

7-44

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

На правах рукописи

УДК 902.6(479.25) + 9(479.25)I

ТИРАЦЯН ГЕВОРК АРТАШЕСОВИЧ

АРМЕНИЯ В УІ В. ДО Н.Э. - III В.Н.Э.

Специальность: 07.00.06 - Археология,
07.00.02 - История СССР

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора исторических наук
в форме научного доклада

Ереван - 1986

Работа выполнена в Институте археологии и этнографии
АН Армянской ССР.

Официальные оппоненты:

1. Академик АН Таджикской ССР, доктор исторических наук,
профессор Б.А.ЛИТВИНСКИЙ
2. Доктор исторических наук, профессор О.Д.ЛОДЖИПАНИДЗЕ
3. Член-корреспондент АН Армянской ССР,
доктор исторических наук, профессор Г.Х.САРКИСЯН

Ведущее учреждение - Институт археологии АН СССР.

Защита состоится "12" декабря 1986 г. на заседании
специализированного совета Д 005.19.01 по защите диссертаций
на соискание ученой степени доктора исторических наук при
Институте истории АН Армянской ССР по адресу: 375019, Ереван,
пр. Маршала Баграмяна, 24-г, Институт истории АН АрмССР.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института
истории АН АрмССР.

Доклад разослан "_____" _____ 1986 г.

Ученый секретарь
специализированного совета,
кандидат исторических наук

В.Х.Овакимян

*Дорогой мне Дзасих Рубику
в знак искренней дружбы
и с уважением
от Тевогжа*

- I -

Общая характеристика работы и актуальность проблемы. Древ-
ний период истории Армении (VI в. до н.э. - III в.н.э.) ознамено-
вался важнейшими событиями. Завершилось образование армянского
народа, становление классового общества и государственности,
оформление армянского рабовладельческого общества. Это был пери-
од бурного развития градостроительства, беспрецедентного полити-
ческого взлета, пышного расцвета древнеармянской культуры.

Советская историческая наука добилась значительных успехов
в изучении древней Армении, особенно в области общественного
строения (С.Еремян). Установлены черты социально-экономических отно-
шений, сближающие Армению с рабовладельческими эллинистическими
странами Передней Азии; они наблюдаются, главным образом в земель-
ных отношениях, в наличии частновладельческих, храмовых и других
хозяйств, применявших рабский труд (А.Периханян), а также в древ-
них городах Армении, классовая (рабовладельческая) сущность кото-
рых раскрыта исследователями (Г.Саркисян, О.Крисярян). Вместе
с тем неоднократно отмечалось важное место в общественной жизни
сельской общины, замедлявшей в силу своей консервативности и за-
стойности переход к производственным отношениям античного типа и
определявшей тем самым специфические особенности рабовладельчес-
кого строя древней Армении. Далеко вперед продвинулось изучение
политической истории Армении периода правления Еруандидов (VI-II
вв. до н.э.), Арташесидов (II-I вв. до н.э.) и Аршакидов (I-V вв.
н.э.). Можно утверждать, что в целом вопросы истории древней
Армении разработаны сравнительно хорошо, что и получило отраже-
ние в соответствующих главах и разделах первого тома академичес-
кой "Истории армянского народа" (Ереван, 1971).

На фоне этих успехов совершенно неудовлетворительным оказа-
лось состояние археологического изучения Армении рассматриваемого
времени. Между тем именно археология призвана дать картину разви-

тия древнеармянской культуры, а также обогатить новыми данными наши познания в истории, социально-экономических отношениях, духовной жизни. Это было тем более необходимо, что фонд письменных источников исчерпывался, и его многократное использование не представлялось перспективным. Пополнение источниковедческой базы справедливо стало связываться с археологическими изысканиями. Начатые Институтом истории АН АрмССР в 1949 г. под руководством Б.Аракеяна раскопки античной крепости Гарни, в 1962 г. Армавира, а в 1970 г. Арташата послужили толчком для широкого развертывания полевых исследований древнеармянских, античных памятников - городов, крепостей, поселений, некрополей.

Составной частью этих работ являются и наши исследования, начатые в 50-х годах; именно они легли в основу диссертации (Гарни в 1950-1968 гг.; Кармир-блур в 1950-1967 гг.; Ацаван в 1960-1967 гг., под нашим руководством; Арташат в 1970-1972 гг.; Армавир с 1962 г. по сей день, с 1970 г. под нашим руководством). Методологической основой работы являются труды классиков марксизма-ленинизма, а также исследования советских ученых по общим закономерностям развития древних обществ.

Хронологические рамки предмета наших исследований естественны: VI в. до н.э. - III в.н.э. В начале VI в. до н.э. пало государство Урарту и на смену ему на Армянском нагорье пришло Армянское царство. В самом же начале IV в.н.э. в силу феодализации армянского общества в стране было принято как официальная религия христианство. Периодизация развивавшейся между этими двумя историческими веками древнеармянской культуры была предложена нами еще в начале наших изысканий. Основные ее этапы устанавливаются довольно четко, и хотя они нуждаются в некотором уточнении и их названия во многом условны (раннеармянский, ахеменидский: VI-IV вв. до н.э., армянский эллинистический: III-I вв. до н.э., культура первых веков:

I-III вв.н.э.), они соответствуют основным этапам исторического развития страны, отражают главные особенности последних.

Несмотря на то, что хронологические рамки наших исследований точно определены, для выяснения истоков рассматриваемых нами явлений привлекались материалы предшествующих периодов, главным образом урартского времени. Для определения степени участия армянской античности в формировании раннесредневековой культуры Армении мы обращались также к данным последующих эпох.

Цель и задачи работы. Цель нашей работы - изучение истории и истории культуры Армении в VI в. до н.э. - III в.н.э. на основании археологических источников.

Для правильного определения уровня развития общества Армении в VI-IV вв. до н.э. было необходимо при помощи классификации и анализа археологических памятников Армении и Закавказья этого времени выявить картину имущественной и социальной дифференциации на данной территории. При выполнении этой задачи нам предстояла работа в целом ряде направлений: выяснение вопроса о характере городов Армении ахеменидского времени, определение главных центров армянских сатрапий, специфики производственной жизни, торговли.

Не менее важной задачей была характеристика материальной культуры древнеармянских городов античного времени (III в. до н.э. - III в.н.э.), известной нам в результате археологических раскопок. Наши исследования направлены на установление внешнего облика города, его структуры, экономики и культуры; названные аспекты города имеют огромное значение для правильной оценки уровня развития общества Армении в античную эпоху.

Этим общим целям были подчинены наши работы по изучению отдельных областей материальной и духовной культуры древней Армении, таких как керамика, металл, стекло, эпиграфические данные

(арамейские и греческие надписи), нумизматический материал, произведения искусства, проявления религии и культа.

Научная новизна диссертации. Проведенная нами работа прежде всего позволяет по-новому осветить структуру древнеармянского общества VI–IV вв. до н.э., определить уровень его развития, выявить малоизвестные аспекты социально-экономической жизни.

Так как Армения того времени входила в состав Ахеменидской державы и была разделена на две сатрапии (XIII и XIV), первоочередной задачей было определение главных центров сатрапий, игравших значительную роль в жизни страны. Сравнительный анализ остатков архитектурных сооружений и археологического материала послеурартского, ахеменидского времени, раскрытых раскопками на холме Арин-берд (Эребуни), позволил нам определить его как главный центр XIV сатрапии. Другими центрами этой сатрапии следует считать городища Сарн-тепе, Самадло, Цихия-гора и Гумбат в Алазанской долине. Главный центр XIII сатрапии локализуется нами в Ване, в пользу чего говорят обнаруженная здесь клинописная надпись ахеменидского царя Ксеркса II (486–465 гг. до н.э.), археологические данные, топонимика.

В этом плане мы не могли не остановиться особо на вопросе о доэллинистическом городе Армении. Как нами было не раз показано, этот вопрос тесно связан с судьбой урартских городов. Уже давно выявлена картина упадка урартской городской жизни, сопутствовавшая гибели государства Урарту. В этой связи было обращено особое внимание на результаты раскопок урартских городов. Несмотря на упадок, первые шаги к урбанизации армянского общества могли иметь место в период, предшествующий целеустремленному градостроительству; они связаны с теми урартскими городами, где после исчезновения самого государства жизнь не прекратилась полностью (Аргишти-хинили-Армавир, Эребуни, Ван).

Изучение джраратского погребального комплекса V–IV вв. до н.э. и архитектурных остатков Арин-берда, главным образом колонного зала, привело уже в начале наших исследований к убеждению о существовании археологически засвидетельствованного имущественного и социального неравенства в ахеменидской Армении. Дальнейшее расширение круга источников за счет изучения других памятников Армении и Закавказья этого периода позволило сгруппировать археологический материал и связать его, с одной стороны, с рядовым поселением и местными культурными традициями, а с другой – с верхушкой общества и иранским влиянием; так нами выявлена картина дифференциации общества в сатрапиях Армении.

Изучая производственную жизнь населения Армении, мы подвергли специальному исследованию предметы художественного ремесла, торевтики и ювелирного дела V–IV вв. до н.э. Типологическое, а иногда и стилистическое соответствие предметов, примыкающих к ахеменидскому кругу, урартским недвусмысленно указывает на связи между некоторыми отраслями урартской и армянской художественной металлургии. Наличие необходимой сырьевой базы, сравнительно большого количества находок, данные персепольских рельефов привели нас к убеждению о существовании в Армении в ахеменидское время мастерских по художественному ремеслу и ювелирному делу, стоявших на достаточно высоком уровне развития. В свете упомянутых связей с урартскими изделиями можно даже усмотреть в этих мастерских старые урартские производственные центры, продолжавшие в некоторых уцелевших городах свою деятельность в послеурартский период.

Вместе с тем изделия художественной металлургии Армении проявляют большое сходство с аналогичными предметами ахеменидского Ирана. Это объясняется стандартизацией и унификацией стиля, которая произошла в Ахеменидском государстве. Другие проявления влияния иранской культуры изучены нами на примере архитектуры, искус-

ства, материальной культуры; выдвинута идея связи ахеменидских провинций - Мидии и Малой Азии с Арменией. Одновременно обособлена роль культур Армянского нагорья, прежде всего урартского времени, в формировании иранской культуры, прослеживаемая при изучении архитектуры, торевтики, гончарного производства. Нами собраны и интерпретированы данные, характеризующие сатрапский строй; в нем можно усмотреть фактор, способствующий на первых порах некоторому развитию социально-экономических отношений в стране. На фоне данных Ахеменидской державы нам удалось раскрыть некоторые аспекты сатрапского управления Арменией, связанные с существованием сатрапских имений, придворных служителей или же рабов, сатрапской канцелярии и военной организации, способствовавшей выделению военной служилой знати.

Особое внимание мы уделяли роли, значению и взаимоотношениям форм и типов хозяйства - земледелия и скотоводства, реконструируемых по результатам археологических раскопок и данным "Анабасиса" Ксенофонта. Скотоводство находилось на высоком уровне развития, но удельный вес земледелия в экономике, очевидно, был более значительным. Этот новый подъем земледелия в армянской среде должен был способствовать дальнейшему развитию общества и образованию государства.

Уровень развития экономики древней Армении и ее общественный строй значительно отличаются от таковых у припонтийских племен, со всей обстоятельностью описанных Ксенофонтom. Впервые предпринятое сопоставление этих двух обществ позволило нам выявить существенную разницу между ними и глубже раскрыть социально-экономическую основу Армении VI-IV вв. до н.э. Жившим в условиях характерной для первобытно-общинного строя политической раздробленности скотоводческим, в своей основе племенам Понтийских гор противостояла армянская государственность, базирующаяся на земледелии.

Рассмотренные нами вопросы социальной и экономической жизни древней Армении VI-IV вв. до н.э. закономерно подвели к вопросу об образовании древнеармянского государства, появившегося, судя по письменным данным (Ксенофонт, Ктесий, Мовсес Хоренаци, Библия), как отдельное царство в VI в. до н.э.

Оживление городской жизни, приведшее к настоящему "урбанистическому взрыву", наблюдается в Армении начиная с III в. до н.э. В результате развернутых за последние десятилетия археологических работ появилась новая обширная информация, способствующая пониманию важных аспектов урбанизации Армении в эллинистический период. Это вопросы генезиса, топографии, градостроительной структуры, архитектурного облика, городской экономики и хозяйства (сельскохозяйственного и ремесленного производства); они освещены в наших опубликованных работах.

При разработке проблем древнеармянской истории и культуры не мог не быть затронут вопрос об эллинизации армянского общества и вопрос об эллинизме в Армении. Предложенный нами в свое время принцип классификации памятников скульптуры Армении III-I вв. до н.э. (местные, привозные, смешанного стиля) в дальнейшем был применен к другим проявлениям армянской культуры. При таком подходе удалось выделить некоторые явления, связанные с религиозным синкретизмом, а также указать на смешение стилей местных и эллинских, характерное для эллинистической культуры и проявляющееся более или менее четко в определенной группе скульптур, в нумизматическом материале, в коропластике, в ювелирном искусстве, торевтике, керамике.

В этой связи в специальных статьях разобраны вопросы взаимоотношений Армении с ее западным соседом Коммагеной в III-I вв. до н.э., их политические и культурные связи. Они имеют большое значение для правильного понимания вопросов культуры и искусства,

религиозного синкретизма, проблемы армянского эллинизма и для освещения истории царского рода Еруандидов (VI-II вв. до н.э.).

Большое внимание было уделено изучению и осмыслению археологического материала, обнаруженного на территории Западной Армении (Турция) - в Ване (Калечик), Патноце, Алтын-тепе, Канберкее (Эрзерум), Хасан-кале. При их сопоставлении с археологическими материалами Восточной Армении эти данные как нельзя лучше показывают однородность культуры, бытовавшей на Армянском нагорье в эллинистический период, выявляют тождество форм и явлений в разных его частях, обусловленное общностью исторического процесса, этнической и социальной структурой Армении.

Отдельную важную тему представляют собой ахеменидские традиции в античной Армении, которые нам удалось проследить в ходе изучения арамейских надписей армянского царя Арташеса I (189-160 гг. до н.э.), монет Тиграна II (95-55 гг. до н.э.), Артавазда II (54-34 гг. до н.э.), градостроительных особенностей города Тигра-накерт; предметов материальной культуры, нарративных источников (античных и армянских). Был выявлен культурно-исторический аспект "ахеменидизма" Армении античного времени, обоснована его политическая направленность, призванная служить внутри- и внешнеполитическим задачам древнеармянских государств.

Особое место в наших исследованиях занимает изучение отдельных отраслей материальной культуры античной Армении, таких как керамика (в том числе расписная керамика эллинистического времени), стекло, памятники коммунальной техники (античные бани Гарни и Валаршапата). Одно из самых ярких и самобытных элементов культуры античной Армении - расписная керамика, рассматривалась нами на широком фоне гончарной продукции древнего мира; показана ее типологическая близость керамике древней Иберии и Албании. Изучение стеклянных изделий позволило поставить вопрос о местном про-

изводстве и импорте, главным образом из Сирии. Выдвинутые нами положения нашли разительное подтверждение при раскопках Арташата.

Следует подчеркнуть, что культура древней Армении, главные этапы ее развития неизменно рассматривались нами в системе культур Древнего мира (иранской, эллинистической, римской) с целью выявить их взаимоотношения. Вместе с тем постоянно отмечались местные истоки древнеармянской культуры, принадлежащие культурам Армянского нагорья эпохи бронзы и раннего железа и Урарту.

Вопросам религии мы посвятили специальное исследование, в котором раскрыты компоненты официального культа в античных государствах Армении (культ богов - покровителей царской династии, культ царских предков, оракул), определено время и место его формирования (при Еруандидах в Армавире, IV-III вв. до н.э.), выявлены истоки культов, подвергавшихся в дальнейшем синкретизации, указано место официального культа в политических концепциях царской династии и верхушки древнеармянского общества, подчеркнута его классовая направленность.

Апробация полученных результатов и практической ценности работы. Результаты исследований поэтапно обсуждались на заседаниях отдела античной археологии Армении Института археологии и этнографии АН АрмССР и отдела Востока Гос.Эрмитажа. Отдельные положения диссертации докладывались на международных, всесоюзных и республиканских научных сессиях, конференциях и симпозиумах в Ереване (1969, 1976, 1980, 1984), Тбилиси (1970, 1975), Баку (1965), Ленинграде (1958, 1968, 1971), Москве (1860, 1965, 1966), Лейпциге (1979), Лондоне (1982), Лейдене (1983). Тематике диссертации посвящено более девяноста опубликованных нами работ.

Периодизация материальной культуры древней Армении (VI в. до н.э. - III в.н.э.) принята большинством исследователей и успешно применяется ими.

Некоторые разделы диссертации нашли место в коллективных трудах "История армянского народа", том I, Ереван, 1971, и "Древние государства Кавказа и Средней Азии" (Археология СССР), Москва, 1985. Результаты наших исследований нашли также применение при написании подготовленного Институтом истории АН АрмССР к изданию четырехтомника "Истории армянского народа" на русском языке и могут найти применение при составлении Институтом археологии и этнографии АН АрмССР сводного труда "Археология Армении" в трех томах. Многие важные положения, сформулированные в работе, отражены в статьях Армянской Советской энциклопедии.

Структура и объем диссертации. Систематическое исследование археологических памятников облегчило решение стоявших перед нами сложных задач. Изучение истории и культуры древней Армении невозможно без монографического исследования целого ряда общих и частных вопросов, с одной стороны, и без комплексного охвата самых разнородных на первый взгляд источников - с другой. Рассмотренные в наших исследованиях вопросы группируются по отдельным большим темам, связанным с социально-экономическими отношениями армянского общества ахеменидского времени, с урбанизацией в античную эпоху, с политической историей, материальной культурой, производством, искусством и религией. Несмотря на многоплановый характер наших исследований, все они тесно взаимосвязаны.

Диссертация опубликована полностью в шестидесяти пяти работах, общим объемом около шестидесяти печатных листов.

Содержание работы. Значение археологического материала послеурартского и доэллинистического времени (VI-IV вв. до н.э.) не только в том, что он позволяет более или менее полно реконструировать культуру Армении ахеменидского периода. Основываясь на его данных, можно также осветить некоторые вопросы политической и тем более социально-экономической истории, подводящие нас к про-

блеме классового общества и государства.

В этом плане большой интерес представляет вопрос о городах доэллинистической Армении, который, даже в случае его негативно-го решения, может привести в конечном счете к выводу о наличии широкого спектра разнотипных центров рассматриваемого времени, имеющему важное значение в решении целого ряда задач.

Сейчас нет сомнения в том, что гибели Урартского государства сопутствовал упадок городской жизни на Армянском нагорье. Раскопки Тейшебаини, Аргиштихинили, Сардурихинили (Чавуштепе-Айкаберд) а в какой-то мере и урартского центра у современного села Ошакан наглядно показывают это. Устроенные в урартских зданиях и жилищах погребения, датируемые послеурартским (ахеменидским) и эллинистическим временем, говорят об опустошении некогда многолюдных кварталов, служащих теперь могильным полем жителям возникших по соседству поселений.

Вместе с тем, наблюдения, в том числе, археологические, показывают, что жизнь продолжалась в некоторых урартских городах и в послеурартский период, а это представляется особенно важным. В этой связи удастся определить главные сатрапские центры Армении.

Армавир занимал восточную часть урартского города Аргиштихинили, разрушенного на рубеже VII-VI вв. до н.э. По-видимому, до того как Армавир стал столицей армянских Еруандидов (IV-III вв. до н.э.), здесь в ахеменидское время существовал храмовый центр. Об этом, возможно, свидетельствует культовый характер Армавира вообще, как в предшествующий урартский период, так и в последующий - эллинистический. Интересные данные по истории города в доэллинистическое время сообщает и Мовсес Хоренаци (История Армении, I, 12-21). К этому времени могут относиться некоторые археологические находки (золотая пектораль, керамические и металлические изделия), пока явно недостаточные для характеристики соответствующей

шего культурного слоя.

Ряд данных, в том числе топографического порядка, позволяют предположить, что урартская столица Тушпа-Ван стала столицей Армянского государства VI в. до н.э., а затем главным центром армянских сатрапий. Клинописная строительная надпись царя Ксеркса на Ванской скале, некоторые археологические находки, топографические данные свидетельствуют о существовании Тушпы-Вана в ахеменидское время.

Наиболее богатым остатками ахеменидского времени оказался урартский центр Араратской равнины Эребуни - Арин-берд (К.Оганесян). Остатки, архитектурные и археологические, указывают на явное продолжение жизни здесь в послеурартский период. Выделяемые стратиграфически строения этого времени представляют собой урартские постройки, позднее дополненные и расширенные (колонный зал - ападана), основательно перепланированные (большой храм огня); или же это заново построенные сооружения (малый храм огня), имеющие аналогии в ахеменидской архитектуре. Археологические находки также не оставляют сомнения в том, что Эребуни продолжал существовать в ахеменидский период. Это, во-первых, милетские монеты V в. до н.э., удила характерного типа, керамика, предметы вооружения, серебряные художественные сосуды (ритоны). Упомянутые факты позволяют предположить, что Эребуни был одним из центров, быть может главным центром, XVIII сатрапии, образованной на восточных и северо-восточных частях Армянского нагорья и прилегающих землях.

Образование XIII и XVIII сатрапий в Армении относится ко временам Дария I, окончательное оформление главных сатрапских центров связано с именем Ксеркса I. Резиденциями сатрапов, разных вельмож и культовыми центрами могли служить и другие памятники, ставшие известными благодаря археологическим работам: Сары-тепе возле Казаха (здание из семи помещений, обводная стена, колоколовидные

ахеменидские базы - И.Нариманов), Самадло на берегу Куры (храм огня ахеменидского времени - Ю.Гагошидзе), Пихия-гора, правобережье Куры (храм огня, капитель в виде протом быка - Г.Цкитишвили), Гумбати в Алазанской долине (колоколовидные базы ахеменидского типа - К.Пицхелаури); они показывают, что земли XVIII сатрапии простирались также за Курой. Сатрапские центры упоминаются у Ксенофонта и в Западной Армении, один на самом юге, другой в его центральной части (Анабасис, IV, 4; 2, 7).

Удается дифференцировать и другие населенные пункты: носящие иранские имена храмовые центры эллинистического времени, расположенные в долинах Западного и Восточного Евфрата (Багайрич - храм Митры, Ериза и Аштишат - храмы Анаит, Ани - храм Арамазда) безусловно восходит к ахеменидскому времени, крупное селение "авахана", упоминаемое в юго-восточной Армении Бехистунской надписью, целый ряд деревень, одна из них с оборонительным валом, известных Ксенофонту в Армении, в ее южных, центральных и северных областях, рядовое поселение этого же времени, раскрытое на развалинах урартского города Сардурихинили (Чауш-тепе). В северо-восточной Армении известны многочисленные крепости, часть их изучена археологически (С.Есаян).

Реконструкция материальной культуры Армении ахеменидского времени по ее основным разделам - одно из важнейших достижений армянской археологии последних десятилетий.

Для понимания культуры рядового населения решающее значение имело предпринятое нами изучение коллективного захоронения в каменном ящике из Джарата (Разданский р-н), основные выводы которого нашли полное подтверждение в археологических материалах других районов Армянской ССР, главным образом ее северо-восточной части (С.Есаян, И.Карапетян). Эти выводы таковы:

а) керамические, металлические, каменные изделия получают характерный именно для рассматриваемого времени облик, что дает возможность отличить их от соответствующих изделий более раннего времени (эпохи широкого освоения железа);

б) часть предметов материальной культуры выявляют четкую связь с ахеменидской культурой;

в) в культуре VI-IV вв. до н.э. выделяется отдельная струя, восходящая к эпохе поздней бронзы - раннего железа и Урарту.

Следующий шаг в развитии археологии Армении ахеменидского времени связан с разработкой вопросов производственной жизни и ремесел. Большей частью это домашние виды ремесел, во всяком случае отрасли, игравшие второстепенную роль в экономике страны (И.Карпетян). Большой интерес представляют, однако, находки предметов художественного ремесла - тореvтики и ювелирного дела VI-IV вв. до н.э. Все увеличивающееся число найденных на территории Армении произведений тореvтики наводит на мысль, что часть их производилась на месте. Наличие необходимой сырьевой базы на территории Армянского нагорья и данные персепольских рельефов дают основание полагать, что в Армении ахеменидского времени имелись высокоразвитые тореvтические мастерские. Вместе с тем, типологические соответствия между отдельными урартскими предметами и найденными на территории Армении предметами ахеменидского времени, а также наметившиеся стилистические параллели с определенностью указывают на прочные связи между некоторыми отраслями урартской и армянской металлургии. Исследователи даже находят возможным локализовать тореvтические мастерские в северо-западной Армении, в районе Эрзерума и Ерзнка, откуда происходит особенно много находок (Г.Лушей, П.Амандри). Учитывая засвидетельствованные связи с урартскими изделиями, можно усмотреть в этих мастерских древние урартские ремесленные центры, некогда славившиеся произ-

водством предметов художественной металлургии; по-видимому, они продолжали свою деятельность во времена армянского царства VI в. до н.э. и ахеменидского владычества, приспособившись к новым нормам и выработанным в столицах ахеменидской империи художественным и стилистическим принципам. Не исключено, что такие мастерские существовали в одном из кварталов еще не раскопанного урартского города, расположенного у подножия мощной цитадели Аргшти II и его преемников на холме Алтын-тепе, около Ерзнка.

Письменные источники, археологические находки, монеты указывают на торговые сношения Армении с рядом соседних и дальних стран и областей в VI-IV вв. до н.э. Подробно описанная Геродотом (V, 52) царская дорога, соединявшая столицу Ирана Сузы с бывшей столицей Лидии Сардами, проходила через юго-западные области Армении. Она, конечно, играла важную роль в развитии торговли Армении с соседними странами. Тесные культурные и экономические связи с Ираном, свидетельством которых служат найденные предметы тореvтики, резные камни, а также ахеменидские монеты, в значительной мере осуществлялись этим путем. Помимо царской дороги, связи могли осуществляться по известной нам на основании более поздних источников дороге, ведущей из северо-западных областей Ирана (Мидия) вдоль Аракса в Араратскую долину.

Другие страны и области известны как торговые партнеры Армении пока только по письменным источникам. Это расположенные к югу Ассирия, Вавилония, Сирия. Прежде чем дойти до территории собственно Ирана, царская дорога из Армении проходила через Ассирию и Матиену, что создавало благоприятные условия для торговли с этими областями. Наиболее достоверные сведения о торговых связях с южными странами содержатся у Геродота (I, 194), описывающего торговлю вином Армении с Вавилоном по Евфрату. Как известно, в роли посредников в этой торговле выступали ассирийские

купцы - в данном контексте, видимо, сирийские или арамейские.

Пересекающая всю Малую Азию от Евфрата почти до Эгейского моря царская дорога активизировала связи населения Армянского нагорья также с западными странами. Эти связи находят все большее подтверждение в археологическом материале, обнаруженном на территории Армении особенно в последние годы. Следует напомнить, что связи с западом существовали уже в предыдущий, урартский период, о чем говорят предметы из Кармир-блур. Они происходят из районов восточного Средиземноморья и эгейских стран или обнаруживают тесные контакты с малоазийским культурным миром (Б.Пиотровский). Афинская монета VI в. в Зангезуре, на юго-востоке АрмССР, милетские монеты V в. в Арин-берде, предметы торевтики в Западной Армении и в окрестностях Арин-берда, часть которых изготовлена, по-видимому, в Западной Малой Азии, резные камни восточно-греческого и греко-персидского стиля - все эти находки указывают на торговые связи между Арменией и Малой Азией.

Археологический материал V-IV вв. до н.э. тесно связан с более ранними культурами эпох железа и бронзы; вместе с тем в ряде случаев он несет на себе отчетливые следы влияния иранской культуры.

Анализ материалов показывает, что в погребальном инвентаре раннеармянских захоронений северо-востока Армении, долины р.Раздан, Араратской равнины преобладают элементы местной культуры. То же самое бросается в глаза при ознакомлении с синхронными материалами из Триалети (Бешташени, Дманиси), Самтавро, Мингечаура и др. Это рядовые погребения с незначительными элементами ахеменидской культуры. Будучи органическим продолжением материальной культуры эпохи раннего железа, они дают широкое представление о местном характере культуры ахеменидского времени.

К другим выводам приходим при знакомстве с предметами роско-

ши, принадлежавшими знати. Таковы материалы из Ахалгори, Алгети, а также Ерзнка, Эрбуни, Вани, Казбеки и др.; они обнаруживают теснейшие связи с ахеменидским культурным миром. Эти связи делаются отчетливее при ознакомлении с материалами, главным образом архитектурными, из таких древних центров как Арин-берд, Сарн-тепе и др. Привлечение всего археологического материала VI-IV вв. до н.э. и его детальное изучение еще яснее показывает наличие двух основных типов комплексов, богатого и рядового, свидетельствующих о дифференциации общества на данной территории в рассматриваемое время.

В итоге вырисовывается следующая картина ахеменидского времени:

1) Восточные части Армении и соседние страны, входившие в XУШ сатрапию, имели такие центры как Арин-берд - Эрбуни, крепость Сарн-тепе (около Казаха), возможно Цихиа-гора и Самадло у р.Куры и Гумбати в Алазанской долине. Вокруг них группируются отдельные находки и комплексы, которые принадлежали рядовому населению (Бешташени, Дманиси, Астхи-блур, Берд, Джарат, Мингечаур и др.), с одной стороны, и верхушке общества (Казбеки, Алгети, Ахалгори и др.) - с другой.

2) Западные части Армении, входившие в XIII сатрапию, имели такие центры как Ван, сатрапская резиденция у р.Кентрит в южной части Армении; вокруг них группируются отдельные находки и комплексы, которые принадлежали рядовому населению (Чавуш-тепе - Айкаберд), с одной стороны, и верхушке общества (дорогостоящие предметы утвари из районов Ерзнка и Эрзерума) - с другой.

На основе приведенных данных проясняются и другие вопросы социально-экономической истории рассматриваемого периода. Из письменных источников известно, что южные и центральные области Армении переживали в VI-IV вв. до н.э. новый социально-экономи-

ческий подъем. Сведения о двух основных формах развивающегося хозяйства - земледелии и скотоводстве - содержатся в "Анабасисе" Ксенофонта (IV, 4, 5). Судя по этим сведениям, земледелие, в ряде черт сходное с урартским, находилось на сравнительно высоком уровне и имело многоотраслевой характер; наряду с зерновым хозяйством существовало виноградарство, обеспечивавшее, между прочим, экспорт вина; на базе оросительного земледелия выращивались и технические культуры. Скотоводство также было достаточно развито, но удельный вес земледелия в экономике страны был, очевидно, значительнее. По-видимому, прибавочный продукт, получаемый от земледелия, стал устойчивее и больше, нежели получаемый от скотоводства. В сельских общинах продолжалось классовое расслоение, и ведущая роль в хозяйстве перешла к земледелию. Новый подъем земледелия обуславливал процесс образования государства (Б.Пиотровский).

Общественный строй, уровень развития хозяйства древней Армении раскрываются полнее при сравнении с некоторыми основными чертами общественных отношений припонтйских племен, обстоятельно описанных Ксенофонтom в "Анабасисе". Из описания Ксенофонта видно, что население южного Причерноморья и Понтийских гор жило в условиях характерной для первобытно-общинного строя политической раздробленности (М.Максимова). На своем пути греки встретили целый ряд политических единиц, образованных многочисленными союзами племен (таохи, халибы, скифы, макроны, моссиноики и др.). В Армении же территория от самой южной границы до верхнего течения Аракса и севернее, как отмечает Ксенофонт, была занята одним народом - армянами. Источники свидетельствуют, что главным, ведущим видом хозяйства ряда понтийских племен являлось скотоводство. Отрывочные сведения о наличии здесь и земледельческих культур не могут нарушить это представление, наоборот, они иллюстрируют подсобное значение земледелия. В Армении же Ксенофонт застал высоко-

развитое земледелие, о роли которого в механизме образования государства было сказано выше. Анализ сведений о типах поселений тоже указывает на разный уровень социально-экономического развития отдельных областей рассматриваемого региона (А.Новосельцев). Наконец, укрепленные поселения припонтйских племен, которые по своему характеру перекликаются с циклопическими крепостями Закавказья эпохи разложения родового строя, многочисленные факты межплеменной вражды из-за пастбищ, скота и пленных, описание архаических обычаев и нравов некоторых из племен, обитавших в тех районах, - все это хорошо выявляет явно догосударственный характер общественного строя припонтйского населения.

Итак, Армянскому государству, в своей основе земледельческому, противостояла окраина, где преобладало скотоводство. К армянам скот стал также поступать путем насильственного захвата у соседей. Характерный эпизод, отражающий этот новый процесс, зафиксирован Ксенофонтom в общеизвестном описании спора между скотоводами-халдеями и земледельцами-армянами (Киропедия, III, I).

Изучение общественной единицы, общины, с одной стороны, и сатрапского строя, системы управления сатрапии, - с другой также имеет важное значение для правильного осмысления армянского общества ахеменидского времени. Долгое время в науке господствовала точка зрения выдающегося армянского историка Н.Адонца, согласно которой армянские деревни, описанные Ксенофонтom, представляли собой родовые общины, а упоминаемые им комархи были начальниками родов. Не случайно, разумеется, что Н.Адонц распространил свои выводы о природе древнеармянской общины на древнеармянское общество в целом, тем самым считая его вплоть до эпохи Тиграна II (95-55 гг. до н.э.) родовым, построенным на родовых началах.

Этот взгляд, архаизирующий армянское общество в целом и общину в частности, был подвергнут пересмотру в сравнительно недав-

нее время. Касаясь вопроса общественной организации армянских деревень, С.Еремян высказал предположение о территориальном характере этих общин, относя их к числу сельских, соседских общин, что подтверждается анализом сведений Ксенофонта об армянских деревнях.

Наличие сельской общины в древней Армении естественно подводит нас к вопросам о классовом и государственном характере общества, хотя сельская, территориальная община появляется уже в условиях первобытно-общинного строя, правда на последних его этапах, при переходе к государственному строю, для которого она на долгое время остается характерным явлением.

Данные о сатрапском строе немногочисленны, но они позволяют усмотреть в нем фактор, способствующий на первых порах некоторому развитию социально-экономических отношений страны.

Клинописные документы ахеменидского времени, арамейские письма сатрапа Египта Аршамы, а также античные авторы свидетельствуют о наличии целой системы частных и должностных земельных владений сатрапов и прочих вельмож Ахеменидской империи. Имена и наделы управлялись специальными чиновниками-управляющими, в качестве рабочей силы применялись рабы. Естественно поэтому предположить, что сатрапы Армении, носившие, как известно, родовое имя Оронту-Еруанд, тоже владели именами на территории Армении. Ксенофонт упоминает на своем пути два дворца сатрапа (басилей) с деревнями при них (Анабасис, IV, 4; 2, 7). По аналогии с другими сатрапиями, где окрестности таких дворцов принадлежали владельцам дворца, чаще всего правителям сатрапий, можно предположить, что земли с деревнями вокруг упомянутых дворцов принадлежала сатрапу Армении.

Некоторые намеки на существование имени сатрапа Оронту-Еруанда содержатся в средневековых армянских письменных источниках, упоминающих округ Еруандуник, или Аруантуник, близ города

Ван. Вероятно, название этого округа происходит от имени сатрапов и царей Армении Оронту-Еруанд (С.Еремян). Следовательно, очень возможно, что вблизи главного центра, столицы сатрапии города Ван, на территории, входившей в сферу орошения действующего, кстати, по сей день урартского канала Менуа и славившейся высокоразвитым земледелием, находилось имение сатрапа, известное впоследствии под названием Еруандуник. По аналогии с другими, хорошо документированными именами можно предположить, что здесь, в экономически передовом районе сатрапии применялся рабский труд.

Отрывочные данные Ксенофонта позволяют говорить о придворных должностях при сатрапе, двор которого подражал царскому двору. Ксенофонт упоминает хлебодаров и виночерпиев при Тирибазе, правителе Западной Армении (Анабасис, IV, 4; 2I); общая их роль в государственной жизни империи значительно снизилась в это время по сравнению с предшествующими периодами. Тем не менее, сравнительный материал говорит о принадлежности отдельных земельных наделов начальнику виночерпиев. Была значительной и роль писца сатрапского двора. На существование сатрапской канцелярии в ахеменидской Армении в источниках также имеются некоторые намеки (Диодор Сицилийский, XIX, 23). Наконец, военная организация сатрапии способствовала выделению военной служилой знати, в ряде случаев скорее всего тоже владевшей земельными участками.

Приведенные данные относительно двух аспектов общества Армении ахеменидского времени - сельской общины и сатрапского строя, показывают, насколько преждевременными были выводы об общественном строе Армении VI-IV вв. до н.э. как о родовом, тем более, что цивилизация, классовое общество и государство на Армянском нагорье имеют богатую традицию и их зарождение восходит ко II тыс. до н.э. (И.Дьяконов).

Раскрытые нами аспекты социально-экономической истории Арме-

нии того времени придают особое значение сведениям письменных источников о существовании древнеармянского царства в доархеменидское время (Н.Адонц, И.Дьяконов, С.Еремян). Критическое изучение XXI-XXXI глав первой книги "Истории Армении" Мовсеса Хоренаци, их сопоставление с данными "Киропедии" (П,4; I,2,22,3I; Ш, I,2,3) Ксенофонта, отрывков "Персидской истории" Ктесия в передаче Диодора Сицилийского (П, I) и Библии (кн. Иезекииля, гл.38-39) помогает выявить наличие в Армении VI в. до н.э. царской династии. Ее представители, двое из которых - Еруанд Сакавакяц и Тигран Еруандян, упоминаются поименно, вели упорную борьбу против мидийского и персидского владычества.

Образование в конце IV в. до н.э. восточно-эллинистического мира, составной частью которого вскоре стала и Армения, имело огромное значение для дальнейшего развития страны, ее политической истории, социально-экономических отношений, культуры.

Армения, вступившая вместе с другими эллинистическими странами Передней Азии на путь экономического прогресса, вскоре покрывается сетью городских центров. Оживление городской жизни в Армении, переходящее в настоящий "урбанистический взрыв" (О. Лордкипанидзе), наблюдается начиная с III в. до н.э. Новая информация, полученная в ходе археологического изучения древнеармянских городов, способствует характеристике целого ряда важных аспектов урбанизации страны.

Ничто не может дать более верного представления о процессе урбанизации армянского общества, чем продельваемая сейчас работа по топографической идентификации и определению границ городов Армении эллинистического времени, выявлению их составных частей (акрополь - городские кварталы - некрополь), выяснению архитектурного облика и т.п.

В ходе археологических работ была произведена окончательная локализация целого ряда городов Армении эллинистического времени (Армавир, Аршамашат, Еруандашат, Арташат, Валаршапат). Раскопками или разведочными работами были подтверждены данные письменных источников о местоположении цитаделей упомянутых городов, уточнены городские территории, определены их приблизительные границы.

Армавир. Разведочные раскопки и шурфы, заложенные на предполагаемой городской территории, показывают, что основанный в конце IV в. до н.э. город тянулся главным образом в западном направлении, занимая пространство между Армавирским холмом и его отрогами на востоке, руслом реки Аракс на юге и восточным краем норамавирских холмов на западе. Северная граница определяется с трудом, но она не должна была находиться очень далеко от Армавирского холма. К югу от холма располагался культовый комплекс города, возможно и сама платановая роща, служившая прорицалищем (Мовсес Хоренаци, "История Армении", I,20). На такое местоположение прорицалища как будто намекают найденные здесь греческие надписи конца III в. до н.э.

Большое значение имеет обнаруженная на западной окраине этого эллинистического города усадьба с жилыми и хозяйственными помещениями, сгруппированными вокруг внутреннего двора. Встроенные в стены жилых комнат очаги-камины аналогичны отопительным каминам эллинистических городов, выявленные в хозяйственной части виноградные давяльни имеют аналогии в городах и поселениях Армении и Северного Причерноморья эллинистического времени, а археологические находки - в эллинистических материалах Армавирской цитадели.

Одним из самых важных результатов раскопок на Армавирском холме является установление того факта, что урартская цитадель с успехом использовалась в эллинистическое время. Оборонитель-

ные сооружения, дворцовые здания, храм, даже жилые помещения после некоторых переделок стали служить новым хозяевам. В силу этих обстоятельств, а также стратегических данных самого холма, в начале 20-х годов IV столетия до н.э., т.е. после битвы при Гавгамелах, Армавир стал столицей новооснованного царства Еруандидов (Оронтидов), чем было предопределено его дальнейшее развитие в качестве городского центра.

Стены, окружавшие цитадель, не подверглись каким-нибудь существенным переделкам. Только в северо-западной части холма вниз по склону была воздвигнута полукруглая башня. Судя по особенностям техники кладки башни (камни соединялись скрепами в виде ласточкина хвоста), она безусловно относится к послеурартскому, эллинистическому времени. На самом холме, внутри цитадели имеется несколько зданий, использованных тогда же. На вершине холма раскопками оконтурено большое здание, господствующее положение которого позволяет видеть в нем храмовое сооружение. Здание неоднократно переделывалось, последний раз в средневековое время, что искажило его облик. Сохранившиеся в восточной части квадры с углублениями в виде ласточкина хвоста показывают, что здание использовали в эллинистическое время, несколько перестроив его восточную часть. Было бы заманчиво усмотреть в нем упомянутый в письменных источниках эллинистический храм Солнца и Луны. По-видимому, тогда же продолжали функционировать и два больших здания в восточной части крепости. Это здание дворцового типа, одно состоит из пяти помещений, другое из трех. Сделанные здесь находки со всей очевидностью показывают, что постройки были обжиты в последующие века. В одном из помещений, где в урартское время были вкопаны карасы, хорошо видны следы поздних переделок. Верхние части разбитых карасов срезаны, пол выровнен, а комната использовалась вторично, о чем свидетельствуют найденные здесь

черепки эллинистического времени (Б.Аракелян). Расположение зданий, их удобная ориентация по странам света не исключает возможность того, что это дворцовые сооружения, царские покои армянских Еруандидов.

Богатый археологический материал эллинистического времени был найден на западном склоне Армавирского холма, на участке между двумя западными урартскими оборонительными стенами. Здесь зафиксированы многочисленные следы жилищ эллинистического времени. Разный уровень их залегания позволяет выделить несколько строительных периодов.

Аршамашат — город, основанный в 40-е годы III в. до н.э., столица западноармянского Софено-Коммагенского царства. Точное местоположение города, его цитадели было определено археологическими раскопками, произведенными на широкой территории по случаю строительства Кебанской плотины на Евфрате (Б.Егюн). Цитадель безошибочно локализуется на левом берегу Восточного Евфрата (Арацани), на холме Шимшат-калеси. Среди найденных на холме материалов преобладают предметы III в. до н.э. — III в.н.э. Фрагмент чернолакового сосуда с поясками черного и коричневого цветов происходит из Аттики и датируется раннеэллинистическим временем (IV—III вв. до н.э.). Это, по существу, один из первых образцов аттического импорта на Армянском нагорье.

Еруандашат. Местоположение города Еруандашат долгое время было спорным, но побывавшие на месте в последние годы археологи недвусмысленно установили наличие развалин древнего города, его оборонительных сооружений, улиц и домов у слияния двух рек (Аракс и Ахурян), на левом берегу каждой из них.

Город расположен на двух террасах, одна — обширная, повыше, другая — пониже, вдоль реки. Создается впечатление, что мы имеем дело с двумя частями города: нижней и верхней; обе богаты строи-

В. тельными остатками. Город был опоясан длинными крепостными стенами с башнями, следы которых видны во многих местах. Толщина стен 2-2,5 м, сложены они из необработанных глыб. Наблюдения показывают, что внутри города также имеются несколько толстых стен, параллельных руслу Аракса, которые делят город на ряд участков - кварталов. Не исключена возможность, что эти кварталы связаны с переселением сюда жителей соседних стран, предпринятым при Тигране II и Артавазде II (Б.Аракелян). Нижний город был хорошо застроен, следы разных зданий видны на всей его территории. Заслуживает внимания фундамент большой постройки с контрфорсами и угловыми выступами. Особенно богат строительными остатками верхний город. Часто видны улицы, по обеим сторонам которых расположены развалины стоявших здесь зданий. Примечательно здание из огромных необработанных глыб: особенностью его плана также являются выступающие углы. Точно определенные хронологические границы эллинистического города (он основан в самом конце III в. до н.э. и разрушен в 60-х годах IV в.н.э.), казалось бы, облегчают исследование памятника. Однако ряд особенностей архитектуры и строительного дела допускают возможность существования здесь, на этом месте крепости и поселения доурартского и урартского времени. Археологические раскопки могли бы помочь разграничить доантичное от античного.

Арташат. Новые данные показывают, что этот город тянулся в основном к востоку и северо-востоку от Хорвирабских холмов, в древности несших на себе цитадель города. Его южную границу образовывали река Аракс, восточная граница доходила до теперешнего селения Лусарат и до пашен селения Нор-Кянк, а северо-восточная - до селения Покр-Веди. К западу от цитадели местность была заболочена, и город туда не распространялся. Там, на возвышенностях зафиксирован некрополь. В этой связи отметим, что обнаруженные не-

крополи города, их расположение тоже помогают правильному определению территории города. И восточный некрополь, и юго-восточный, не говоря уже о только что упомянутом западном, находились за городской чертой, иногда на довольно большом расстоянии (Ж.Хачатрян).

Для правильного осмысления городского организма, его архитектурно-планировочной структуры следует остановиться на вышгороде Арташата, выделяющемся своей величиной и сложной системой оборонительных сооружений. Обследованием местности, а затем раскопками окончательно установлено, что вышгород расположен на Хорвирабских холмах. Благодаря своему стратегически выгодному положению они привлекли внимание еще урартских царей. Найденный на холмах вышгорода археологический материал, а также раскрытые на равнине фундаменты большого архитектурного комплекса урартского времени показывают, что после основания города Эребуні урарты, по-видимому, овладели южной частью Араратской равнины.

Валаршапат. В исследованиях, посвященных изучению городской жизни древней Армении, городу Валаршапату отведено место, соразмерное данным, сообщаемым о нем письменными источниками. Вопросы же градостроительной структуры и планировки города, его топографические особенности оказались вне поля зрения этих исследований. Восполнить пробел призваны в первую очередь археологические раскопки, оказавшиеся здесь перспективными.

Археологические работы, произведенные в конце 20 - начале 30-х годов на территории современного города Эчмиадзина и за его пределами (А.Калантар, Т.Тораманян и др.), и реставрация Кафедрального собора и храма Рипсиме в Эчмиадзине, выполненная в 50-х годах (А.Саянян), позволяют во многом дополнить и уточнить полученную из письменных источников (Агафангел, Мовсес Хоренаци) картину города. Его составными частями следует считать цитадель, собственно город и загородную территорию. Занимавшая современную

территорию Эчмиадзинского монастыря цитадель была обнесена крепостными стенами, к постройке которых имеют отношение найденные здесь латинские надписи. Цитадель была застроена зданиями государственного и общественного значения, как то царский дворец, храм Анаит-Артемиды, поблизости стояла античная баня. Баня состояла из двух отапливаемых помещений, подпольное пространство которых сообщалось через дымовые каналы. На полу помещений расположены столбики в виде керамических труб - составная часть отопительной системы бани.

Местоположение древнего города определяется территорией вокруг цитадели, т.е. совпадает с нынешним Эчмиадзином. Город был обведен каменной стеной и земляным валом, между ними находился ров. Имелось несколько ворот, среди которых известны из источников "восточные", выходившие на магистральную дорогу в Арташат, и "южные", выходившие на городской мост через реку Мецамор и оттуда на аракские переправы.

Особые условия Валаршапата как равнинного города, лишенного естественных преимуществ для обороны, повышают роль фортификационных сооружений (В.Арутюнян). Поэтому не исключено, что древний Валаршапат, подобно городам Двуречья и Западного Ирана парфянского и сасанидского времени (Хатра, Ктесифон, Фрааспа, Фирузабад, Дарабгирд) с близкими природными условиями (Г.Кошеленко), мог иметь округлые очертания, хотя такое предположение пока недостаточно подтверждено. Такая особенность планировки легла в основу возникшего по соседству в V в. поселения городского типа Звартноц, оборонительные стены которого образуют многогранный круг.

Вне городских стен находились античный храм, некрополь и производственные объекты. Здание храма располагалось, вероятно, на месте теперешней церкви Рипсима. Обнаруженные здесь фрагменты имеют поразительное сходство с соответствующими деталями гарний-

ского храма, и по аналогии с ним здание могло быть посвящено богу солнца Митре. В пользу этого говорят и другие данные, в том числе пример города Арташат, внутри которого находился храм Анаит, а за городом, на дороге, стоял храм бога солнца Аполлона. Некрополь простирался к востоку от церкви Рипсима.

Производственные объекты (виноградные давильни и стеклоделательная мастерская) проливают свет на экономическую жизнь города, а составлявшие пригородную обрабатываемую территорию сады и поселения входили в характерный для эллинистических городов земледельческий пояс.

Выявленная путем сличения письменных и археологических данных градостроительная картина позднеантичного Валаршапата говорит о зрелости градостроительной мысли древней Армении. Эта картина свидетельствует об устоявшихся градостроительных принципах, находящихся обоснование как в опыте собственной страны (Арташат), так и в сопредельных странах. Основным принципом следует считать четкое деление городского организма на части, каждая из которых имеет свои функции.

Работа по локализации древнеармянских городов, осуществленная при помощи археологических и топографических исследований, позволяет установить приблизительные границы городской территории и, значит, ориентировочно определить площадь города. По самым предварительным расчетам Армавир занимал 100-150 га, Еруандашат - несколько сот га, Арташат - около 500 га. Хотя приблизительный характер этих данных не подлежит сомнению, не лишено интереса их сравнение с соответствующими данными эллинистических городов. Так, Селевкия-на-Тигре занимала 544 га, Апамя-на-Оронте - 205 га, Лаодикея-у-моря - 220 га, Афины (эллинистического времени) - 220 га, Милет - 100 га, Ай-ханум (верхний город) - 228 га. Эти цифры показывают, что города Армении, даже если счи-

тать данные об их площади завышенными, были соразмерны городам эллинистического мира.

В этой связи для определения градостроительной структуры большое значение приобретает вопрос о планировке города. Внешний вид, например, Арташата, давал основание Плутарху утверждать, (это выявляется постепенно и раскопками), что Арташат был построен по единому плану. В таком случае за образец могла быть взята планировка эллинистических городов, в основе которой лежит выработанный в V в. до н.э. архитектором Гипподамом из Милета принцип "сетки", состоящей из пересекающихся под прямым углом улиц. Обнаруженный, однако, у местности Зернаки-тепе (к северу от Ванского озера) урартский город с улицами, пересекающимися под прямым углом, и жилыми кварталами, образующими прямоугольные массивы (Ч. Барней, К. Ниландер), заставляет внимательнее отнестись к вопросу о возможном влиянии урартских градостроительных принципов на градостроительство Армении.

Находившийся в предместье города Тигранакерта, по-видимому, за его стенами, комплекс - царский дворец с парками, озерами, охотничьими загонами и крепостью, указывает на древневосточные, конкретнее, ахеменидские модели. Округлая же планировка ранне-средневекового Звартноца, а возможно и античного Валаршапата, восходит к памятникам Ирана и Двуречья парфянского времени.

Казалось бы, образовавшиеся в общей переднеазиатской эллинистической среде города древней Армении должны были предстать перед взором археологов в своем эллинистическом облике. Однако первые результаты не дают пока права говорить о таком облике. Хотя в Арташате найдены фусты каменных колонн, части архитектурного убранства, профилированные карнизы с сухариками, фрагменты настенной росписи, профилированный камень из стилобата монументального здания, черепица пергамского типа, разные сооружения

коммунальной техники (бани, резервуары), гончарные мастерские (Б. Аракелян), все же здесь, и тем более в Армавире и в Ерундашате пока мало такого, что напоминало бы эллинистическую или римскую архитектуру.

Наконец, о господстве неэллинистических традиций в архитектуре городов древней Армении свидетельствуют торовидные базы колонн. Преобладающая часть баз, обнаруженных в Армавире, Арташате, Пайтакароне, Ерундаване, Двине, Гарни, восходит, по всей вероятности, к традициям древнеперсидской, ахеменидской архитектуры (Пасаргады, Персеполь). В отличие от баз аттического профиля, засвидетельствованных в Армении пока только в Гарни (языческий храм) и Двине, они имеют квадратное основание, иногда ступенчатое, с плоской круглой подушкой (тор) под деревянный ствол колонны.

Процессу урбанизации древнеармянского общества сопутствовала концентрация ремесленного и сельскохозяйственного производства в городах Армении античного времени. Археологические раскопки древнеармянских городов и крупных населенных пунктов (аванов) не только подтвердили правильность собранных при изучении письменных источников данных об их хозяйственном облике, но и существенно их дополнили. Для выявления производственной картины древних городских центров Армении надежным источником служит информация, полученная в ходе анализа результатов продукции и, что особенно важно, - следов средств производства (орудия труда, мастерские и т.д.). В итоге можно говорить о довольно хорошо аргументированном вещественными находками ремесленном (металлообработка, торовидная гончарная техника, гончарное дело и стеклоделие, строительное дело и т.п.) и сельскохозяйственном производстве (виноградарство и виноделие, зерновое хозяйство, скотоводство и переработка их продукции и т.п.).

11
Античные города Армении были прежде всего центрами сельскохозяйственного производства. На это указывали уже письменные источники, упоминающие земледельческий пояс вокруг города. Окружавшая город земледельческая зона состояла из деревень и аванов (поселений), а также из частновладельческих имений — агараков и дастакертов, принадлежавших царю, городской общине, богатым гражданам (Г.Саркисян). Поселения такого рода засвидетельствованы также археологически, остатки их обнаружены и в Араратской равнине в пределах городских округ Армавира, Арташата и Валаршапата. Их существование еще раз говорит о сельскохозяйственной основе городской экономики, о непосредственной, нерасторжимой хозяйственной связи города и округа.

Развитие земледелия, зернового хозяйства, бахчевых культур в древних городах Армении засвидетельствовано найденными орудиями из камня (усовершенствованные, более производительные зернотерки) и металла (железные серпы, мотыги), остатками обгоревших зерен пшеницы, отдельными образцами керамической тары, предназначенной для хранения земледельческой продукции. С выпечкой хлеба связано орудие, один конец которого топовидный, другой — крчквидный.

На развитие виноградарства указывают находки в эллинистических слоях Армавира железных виноградарских ножей, а также обугленных косточек винограда; на развитие виноделия — керамическая тара для хранения, распределения и подачи вина, и, что самое главное, приспособления для обработки винограда. Это долговременные сооружения, настоящие виноградные давильни, а также переносные каменные плиты для выжимания винограда — тарапаны, иногда с соответствующим чаном-резервуаром. Картина распределения находок согласуется с размещением виноградников в древности, да и не только в древности, и охватывает Араратскую равнину и районы предго-

рья. Хронологически большинство находок относится к эллинистическому времени (III—I вв. до н.э.). Позднеантичным временем датируется давильня из крепости Гарни. Этот период подразумевает сообщение армянского историка IV-V вв. Агафангела о существовании давильни в городе Валаршапате.

14
Остатки виноградной давильни раскопаны в эллинистической усадьбе Армавира. Здесь была открыта охваченная каменной стеной прямоугольная площадка, пол которой покрыт слоем известкового раствора. В пол площадки вделана каменная плита, служащая тарапаном для обработки мезги. Установка из туфа в виде плиты-тарапана и приспособленной к нему ванны-чана, рассчитанная на длительное функционирование, раскопана в той же армавирской усадьбе (А.Мартиросян). Некоторые тарапаны из туфа и базальта, с желобками на поверхности и со сливами (Двин, Кахцрашен, Ехегнадзор) имеют убедительные параллели в эллинистическом мире (Г.Кочарян).

Разовую мощность большинства рассмотренных винодельных приспособлений следует считать небольшой. Скромные, как правило, производственные возможности тарапана убеждают в том, что он удовлетворял нужды самого владельца; и все же наличие стационарных устройств для обработки винограда в пригородных кварталах древнеармянских городов позволяет наметить место виноделия в сельскохозяйственном производстве и заодно — его роль в экономике и хозяйственной жизни городского населения древней Армении.

Сейчас без колебаний можно утверждать, что Армавир (конец IV — I вв. до н.э.) был одним из самых ранних центров производства керамики эллинистического времени в Армении, где вырабатывались основные формы и типы, ставшие ведущими в дальнейшем. По-видимому, здесь, на территории бывшего урартского города древние традиции оказались особенно стойкими. Углубленное исследование керамического материала, его сравнительное изучение и классифи-

кация по типологическому и функциональному принципам, определение истоков и традиционных черт, а также связей с керамикой сопредельных культур, и выявление новых черт, - вся эта кропотливая работа привела к раскрытию картины производства керамики эллинистического времени.

Возникшая в начале II века до н.э. новая столица Армении - Арташат, перенимая производственные навыки предшествующего времени, обогащает репертуар керамических типов и форм, особенно под внешним воздействием и особенно в первых веках н.э., когда заметно усиливается процесс интенсификации производства и явление массовости продукции. С керамическим производством Армении рассматриваемого времени связаны найденные в эллинистических слоях Арташата и Двина гончарные круги (Ж.Хачатрян, Г.Кочарян), печь для обжига, обнаруженная в вышгороде Арташата (Ф.Тер-Мартirosов), и другие приспособления.

Изучение античного стекла Армении показало, что основная его часть - привозная. Две главные группы стеклянных сосудов - свободно выдутые и выдутые в формах, имеют поразительное сходство со стеклянными изделиями Сирии, из чего был сделан вывод об их сирийском происхождении. Вместе с тем, уже при первых шагах изучения античного стекла делались попытки выявить изготовленные в Армении стеклянные сосуды. Интересный предмет, указывающий на наличие в Армении местных мастерских по изготовлению стекла, с одной стороны, и на связь армянского стеклоделия с сирийским, с другой - гипсовая трехстворчатая форма для надувания стекла - найден в Арташате, в слое II в.н.э. (Ж.Хачатрян).

На сегодняшний день, таким образом, учитывая и данные письменных источников (Агафангел), можно говорить о производстве стеклянных изделий в позднеантичный период в двух известных столицах Армении - в Арташате и Валааршапате.

О металлообработке, этой важной для хозяйственной жизни древней Армении отрасли ремесленного производства, можно судить не только по многочисленным находкам металлических предметов местного изготовления (орудия труда, оружие, украшения), но и по остаткам производственных сооружений и устройств - от простейших кузниц (Армавир) и печей в виде очага-тондира (Арташат) до настоящих мастерских, обрабатывающих чернен, цветные и драгоценные металлы (Арташат). Изучение найденных во время раскопок металлических предметов показывает, что при их изготовлении применялись основные способы обработки металла, существовавшие в древнем мире, - горячая и холодная ковка, сварка, литье, пайка, а также пакетирование и цементация железных изделий (В.Зинджирджян).

Найденные предметы торевтики, а также золотые и серебряные украшения античного времени уже наводили на мысль, что ювелирное дело и художественная металлургия тогда продолжали развиваться, хотя сравнительный анализ части предметов говорит не в пользу их местного производства. И действительно, важные находки последних лет позволяют говорить о развитии этой отрасли металлообработки в Армении рассматриваемого времени. Это бронзовые молотки ювелирных дел мастеров, тигли для плавки драгоценных металлов, а также глиняная форма для отливки бронзовых ножек художественной мебели, - предметы, указывающие на производство целого ряда операций, связанных с ковкой, литьем, плавкой, чеканкой и т.п. (Б.Аракелян).

Урбанизация древнеармянского общества не могла не повлечь за собой резкий подъем строительного дела в стране. Есть возможность осветить довольно подробно его ремесленный аспект.

Камни для кладки оборонительных стен обрабатывались по-разному: железным молотком, наподобие циклопической кладки (Армавир, Ерундашат); железным молотком и зубилом (найден в Гарни), поверх-

ность камня сглаживалась или отесывалась (Арташат, Аршамашат, Гарни); зубилом (найденно в Гарни) камень обрабатывался способом рустовки, засвидетельствованном и в предшествующий период на Армянском нагорье (Арин-берд в ахеменидское время, Топрах-кале, Аргиштихинили, Доври и др. в урартское время).

В кладке стен камни соединялись друг с другом в эллинистическое время металлическими скрепами в виде ласточкина хвоста (Армавир, Хасан-кале, Ташбурун и др.), которым на смену в первые века н.э. приходят железные скобы, концы которых входили в специальные отверстия, заливаемые свинцом (Гарни, Арташат).

Стены жилых помещений, мастерских, коммунальных сооружений воздвигались из рваного камня на глиняном растворе в первые века до н.э., на известковом растворе в первые века н.э. Самое раннее применение известкового раствора засвидетельствовано в виноградной давильне армавирской усадьбы эллинистического времени.

Производство строительной керамики занимало важное место в экономике античной Армении. Такой ее вид как трубы известен документально по гончарной печи Арташата.

Сырцовый кирпич находил применение в кладке стен на каменном основании (Армавир, Арташат) — обстоятельство, имеющее древние традиции на Армянском нагорье. Обожженный кирпич использовался в первые века н.э. для жилых зданий, но особенно для сооружений коммунальной техники и мастерских (Гарни, Арташат, Валаршапат).

Керамические трубы, круглые в сечении — водопроводные и прямоугольные — дымоотводные, засвидетельствованы в коммунальных сооружениях Арташата и Гарни. Их звенья служили опорами для верхнего пола бань.

Большое развитие, главным образом в Арташате, получает производство кровельной черепицы (А.Канемян) — пергамского типа,

характерного для II—I вв. до н.э., и михетского типа, широко представленного в первые века н.э.

Изучение орудий труда, средств производства и иного археологического материала, обнаруженного на территории древнеармянских городов и крупных поселений, позволяет дифференцировать производство по его объему и характеру и по его роли и значению. Гончарные круги, тарапаны-давилыни, производственные тондиры-очаги и кузницы действовали больше в домашних условиях и удовлетворяли домашние потребности. Гончарная мастерская и печь для обжига, расположенные в типовых зданиях металлообрабатывающие мастерские, просторные давилыни могли отвечать более широким хозяйственным запросам и, в силу мелкотоварного характера производства, удовлетворять запросы широких слоев горожан, может быть — работать на рынок.

Анализ археологического материала показывает, что ремеслом и сельским хозяйством занимались не только в городах, но и в крупных поселениях-аванах, тем более в царских аванах, какими, по всей вероятности, были Двин и Ширакаван, и в крепостях вроде Гарни. Это обстоятельство документально свидетельствует о том, что поселения Армении античного времени были втянуты, не без участия городов, в производственную жизнь страны.

Массовый характер производства, узкая его специализация, наблюдаемая на примере керамики Арташата (Ф.Тер-Мартirosян) позволяет говорить об ускоренном развитии производственной жизни в первые века н.э. Городское производство, основы которого были заложены в эллинистическое время, переживает в первые века н.э. резкий подъем, связанный с дифференциацией и интенсификацией ремесленного и сельскохозяйственного производства. Не случайно, что в стране, покрытой еще в эллинистическое время целой сетью городских центров, основываются в первые века н.э. фактически

три новых города (новый Арташат, на месте разрушенного римлянами старого, Валаршапат и Мдуры) (Я.Манандян).

Осуществление армянскими царями широкой градостроительной программы было справедливым образом рассмотрено в качестве составной части бурного процесса урбанизации эллинистической Передней Азии, чем было обращено внимание на сходство древнеармянского города с переднеазиатскими эллинистическими городами. Сходные черты были обнаружены в условиях возникновения городов, в их структуре и их организационных формах, роли в жизни государства, надстроечных явлениях (С.Еремян, Г.Саркисян, С.Кркияшарян).

Города Армении, как и города эллинистического Востока, основывались по воле царей, в результате синонизма, при наличии института литургии, отличались существованием гражданского коллектива - самоуправляющейся городской общины-политеей, сочетанием автономного статуса и зависимостью от царя, наличием местных органов самоуправления, одновременно сосуществующих с царскими должностными лицами, и пользовались правом убежища - асилья.

Население городов Армении и Передней Азии группировалось в обособленные общины-политевмы по этническому и религиозному признаку, города имели свою земельную округу, которая эксплуатировалась горожанами, вернее, членами городской общины, которые, таким образом, противопоставлялись деревне, ее населению.

Выявленные армянскими историками общие черты между городами Армении и Передней Азии эллинистического времени указывают на рабовладельческий характер армянских городов, выступающих в качестве основной формы общественной, экономической, политической организации рабовладельческого общества.

Отличительные черты города, его "материального аспекта", его размеры, зафиксированные как письменными источниками, так и археолого-топографическими данными, его сложная и одновременно четкая

пространственная структура (цитадель, городские кварталы, некрополь, земледельческий пояс), его экономический потенциал с сильно развитым ремесленным и сельскохозяйственным производством и его значительная роль в международной торговле, имущественная дифференциация и классовое расслоение, отчетливее всего отразившиеся в строительстве (монументальные здания, дворцы, храмы, роскошно отделанные, комфортабельные дома состоятельных граждан и невзрачные жилища городской бедноты), высокая степень его благоустройства, все это как нельзя лучше вписывается в полученную, благодаря письменным источникам, общую картину его развития.

Приобщение Армянского нагорья к греческой культуре связано с эпохой эллинизма. О том, когда оно началось, нет единого мнения; с нашей точки зрения, для определения этого имеются достаточные доказательства, например данные армавирских греческих надписей. Последние очень красноречивы и отражают разнообразные явления греческой культуры, к тому же они дополняются другими реалиями III в. до н.э.: остраконом с процарапанной греческой надписью хозяйственного назначения, найденным в Армавирском холме; чеканенными в Западной Армении монетами софенских царей с греческими фигурами (Геракл, Афина, Ника) на реверсе; захоронениями раннеэллинистического времени, имеющими особенности греческого погребального обряда (монета Александра во рту погребенного); скобами в виде ласточкина хвоста, принесенными из ионийско-лидийского мира; греческим импортом раннеэллинистического времени, в основном керамикой.

Проникновение греческого влияния, начавшееся, как видим, уже в III в. до н.э., привело со временем к некоторой кристаллизации культурных течений, к их размежеванию. Можно выделить три основных направления в древнеармянской культуре: местное, традиционное направление, проявления внешнего, эллинского влияния, и

то, что должно быть названо армянской эллинистической культурой, возникшей как синтез местных и эллинских начал.

О привозе в Армению из Малой Азии и Греции статуй эллинистических богов и об установлении их в армянских храмах упоминает раннесредневековый историк Мовсес Хоренаци. Речь идет о статуях Зевса и Геракла, Афины и Гефеста, Афродиты и Артемиды. Вещественным доказательством служат голова и рука бронзовой статуи, найденной в Западной Армении, так называемой Анаит, черты лица которой сближают ее с типом Афродиты, относимым к кругу работ Праксителя, а также найденная во время раскопок Арташата статуэтка Афродиты II-I вв. до н.э., явно западного происхождения, имеющая аналогии на Родосе, в Афинах и в Вифинии (Б.Аракелян). К явлениям этого же рода относятся изображения армянских царей Тиграна II и Артавазда II на монетах, выполненные в лучших традициях эллинистического портретного искусства.

Само собой разумеется, что проникновение форм греческой материальной культуры и искусства, сопровождаемое влиянием греческой духовной культуры, не могло не отразиться на формировании и развитии армянской античности. Эллинизм сегодня рассматривается как всеобъемлющее явление, в котором сочетались и взаимодействовали не только идеологические и культурные элементы, но и эллинские и местные начала экономического строя, социальных и политических отношений, учреждений (К.Зельин).

В области культуры в Армении это явление ограничивается, во-первых, характерным для эллинистических стран религиозным синкретизмом, который в Армении проявился в виде слияния местных и эллинских божеств. Это четко зафиксировано древнеармянскими историками, донесшими до нас армянские, ирано-армянские и греческие имена одних и тех же божеств: Арег (Солнце)-Михр, Аполлон, Лусин (Луна)-Анаит-Артемиды, Арамазд-Зевс, Михр-Гефест, Вахагн-Геркул.

Такой понятийный параллелизм указывает на взаимопроникновение культовых воззрений и их слияние, что приводило к созданию единого образа. С аналогичным явлением мы встречаемся в соседней с Арменией Коммагене, где божества также носили армяно-иранские и греческие имена. Родство идеологических явлений этих двух связанных многочисленными узами стран позволяет исследователям привлечь коммагенские скульптуры и рельефы для установления характера не дошедших до нас образцов армянской эллинистической скульптуры. Наряду с эллинскими традициями в коммагенских памятниках прослеживаются явные местные элементы, восходящие к древневосточным, хетто-урартским истокам, но вместе с тем переплетающиеся с армяно-парфянскими художественными традициями. Очень четко эти негреческие элементы видны в иконографических особенностях одежды, головных уборов и т.п.

На смешение стилей указывают и некоторые монеты царя Тиграна II. Как известно, лучшие изображения армянских царей на монетах выполнены в духе эллинистического портрета, но есть экземпляры, на которых царь изображен в другой, смешанной пластической манере. Не так, может быть, наглядно наблюдается смешение стилей в других отраслях древнеармянской культуры (коропластика, ювелирное искусство, керамика). Естественно, что в данном случае трудно определить пропорции сочетания местных и привнесенных течений.

Эллинское влияние шло в Армению, по-видимому, не столько из Греции, сколько из эллинистических стран Передней Азии, главным образом из Селевкидского государства. Собственно греческий импорт представлен незначительным количеством предметов. Поэтому особое значение приобретает изучение связей и взаимодействия отдельных стран и регионов эллинистической Передней Азии (Г.Кошеленко). Следует остановиться на связях Армении с Сирией, Малой Азией и Парфией, особенно с ее западными областями.

Доказательства влияния эллинистической Сирии не исчерпываются статуей антиохийской Тухе скульптора Евтихида на монетах Тиграна II или же образцами сиро-финикийского стекла и другими находками сирийского происхождения на территории Армении. Роль Сирии в эллинизации армянского общества неизмеримо больше. Все относящиеся к проблеме эллинизма в Армении явления, в том числе греческий язык, институты социальной жизни, культ царя, проникли сюда из Сирии, которая в определенный период (I в. до н.э.) входила даже в состав Армянской державы.

Роль Малой Азии не следует сводить к передаче импортной керамики, шедшей из эллинистических центров древней Ионии. Некоторый дополнительный свет на малоазийские параллели бросает изучение портретного искусства по монетам армянских царей. Всматриваясь в лучшие изображения, нельзя не заметить стилистическую связь между трактовкой глаз на царских портретах и на скульптурах большого фриза Пергамского алтаря. Стилистическое сходство обнаруживается и при сопоставлении изображений на армянских монетах с головой пергамского царя Атталы.

Ахеменидское влияние в Армении не исчерпывается ахеменидским временем. Роль ахеменидских традиций удастся проследить и в последующий, главным образом эллинистический, период. По-видимому, можно считать установленным, что известная в основном по армянским монетам и коммагенским рельефам армянская тиара по своему типу восходит к тиаре ахеменидских царей. Детальное их сопоставление при учете исторических сведений позволяет наметить возможные пути проникновения этого атрибута царской власти из ахеменидского Ирана в эллинистическую Армению. Тиару в виде усеченного конуса, увенчанного зубцами, мог надеть на себя Оронт-Еруанд, сатрап Армении, который провозгласил себя царем сразу же после крушения Ахеменидской державы и смерти ее последнего правителя

Дария III Кодомана. Этот жест подчеркивал бы устремления претендовавшего на царскую власть сатрапа, бывшего, кстати, с материнской стороны ахеменидского происхождения. Не исключено также, что ахеменидская тиара проникла в армянскую среду в более позднее эллинистическое время - в I в. до н.э., если считать, что изображения тиары на монетах и рельефах фиксирует время ее появления, или же во II в. до н.э., при царе Арташесе, когда происходило - это уже несомненно - оживление ахеменидских традиций в Армении.

"Ахеменидизм" эллинистического времени - не только результат культурного влияния, это также осознанная позиция верхушки общества и лично царя с далеко идущими политическими планами.

В этой связи особое место Арташесом I отводилось арамейскому языку, нашедшему применение еще при сатрапском дворе. Здесь необходимо иметь в виду, что проявления "ахеменидизма" в эллинистической Армении связаны прямо с сатрапской Арменией, с ее культурными традициями, и не всегда правомерно возводить эти явления непосредственно к самому Ирану.

О римском влиянии на культуру Армении первых веков н.э. свидетельствует архитектура (храм в Гарни, вероятно - остатки подобного сооружения в Валаршапате-Эчмиадзине), ряд особенностей коммунальной техники (бани в Гарни, Арташате, Валаршапате), монументальное искусство (гарнийская мозаика), памятники материальной культуры (Б.Аракелян). В этот период продолжались поиски синтеза культур, на что указывает каменная голова из села Толк, сочетающая явно местные и привнесенные черты. Наблюдается широкое подражание римским формам материальной культуры, особенно в керамике и стекле. Но, так же как в вопросе взаимосвязи с греческим миром особая роль отводилась не собственно Греции, и здесь находит все более полное подтверждение выдвинутый нами в свое время тезис о связях Армении в первую очередь с восточными провинциями Римской

империи — с такими культурными центрами как римская Сирия и римская Малая Азия, а также, сейчас можно добавить, испытывавшее влияние Рима Двуречье.

Нельзя отрицать участие малоазийских мастеров в сооружении гарнийского храма, а сирийских мастеров — в изготовлении гарнийской мозаики. Сирийское стекло господствовало в Армении, под воздействием стеклоделия Сирии было налажено производство местного стекла.

И наконец, на примере памятников Хатры и Ассура все сильнее проявляется связь архитектурного убранства Двуречья римского времени с синхронной и раннесредневековой культурой Армении. Сочетание двухскатного фронтона с полуциркульным завершением дверного или оконного проема, зафиксированное в таком эклектическом памятнике как храм божества Шахиру в Хатре, органически вливается в образ раннесредневековой армянской архитектуры, хотя, как показывают конкретные примеры, эти элементы по отдельности имелись в зодчестве Армении первых веков н.э. Из архитектуры Двуречья парфяно-римского времени проникают также элементы декора: сочетания парных пристенных колонн с окнами, имеющими полукруглый верх, рельефные маски и др.

Взаимоотношения с внешним культурным миром менялись, однако местная основа древнеармянской культуры, развивавшейся в соответствии с внутренними закономерностями, шла к вершинам раннего средневековья. Вопреки укоренившемуся мнению, местное наследие не только составило основу народных традиционных течений, оно к тому же воздействовало на вечно находившуюся на перекрестке иноземных влияний культуру верхушки общества.

Культура Армении эпохи поздней бронзы, раннего железа и широкого освоения железа, не говоря уже об урартской культуре, давала блестящие примеры высокоразвитого профессионализма, о чем сви-

детельствует, в частности, экспорт местных произведений VIII-VII вв. до н.э. на запад (предметы из сокровищницы храма Геры на острове Самос).

Анализ древнеармянского археологического материала показывает его неразрывную связь с культурой местных племен Армянского нагорья, влившихся в состав армянского народа. С другой стороны, значение урартского наследия в формировании древнеармянской культуры за последние годы также стало вырисовываться все четче. Раскрываемая раскопками картина культурной преемственности многообразна и охватывает многие смежные области материальной культуры, искусства и архитектуры.

Сейчас с некоторым основанием можно говорить о влиянии урартской градостроительной культуры на армянскую. Неожиданный аспект преемственной связи в архитектуре был выявлен К.Кафадаряном, обратившим внимание на сходство планировки дворцовых зданий Урарту и Армении. Речь идет о типологической связи между дворцами раннего средневековья (Двин, Аруч) и урартского времени (Аргиштихинили, Русахинили-Бастам), тем более достоверной, что, как показывают результаты раскопок поселения Ширакаван (III в. до н.э. — III в. н.э.), промежуточные звенья, очевидно, существовали в античной дворцовой архитектуре Армении.

Влияние Урарту прослеживается также в культовой и жилой архитектуре. Двускатный верх урартского храма Мусасир перекликается с верхом глиняной модели из Астхиблур, датируемой VI в. до н.э., а башенные сооружения Урарту, по-видимому, жилые (костяная модель из Кармир-блур и бронзовая из Топрах-кале), — с башнями, засвидетельствованными на рубеже V-IV вв. до н.э. в деревнях южной Армении. Уместно привлечь также данные строительной техники: рустовый способ обработки камня не мог распространиться в древней Армении только под влиянием извне, поскольку камни с подобной

обработкой встречаются в урартских памятниках (Армавир, Топрак-кале, Доври, Ошакан).

Классическими типами погребений Армении эллинистического времени считаются, среди прочих, захоронения в сосудах (карасах) и в саркофагах, причем оба типа ранее считались чужеродными нововведениями. Однако во время раскопок урартских памятников Аргиштихинили и Ошакана были обнаружены захоронения в карасах и саркофагах, свидетельствующие о большой древности погребальных памятников этих типов.

Некоторое сходство наблюдается также между конкретными элементами материальной культуры Урарту и Армении. Так, ряд керамических форм Армении ахеменидского и эллинистического времени (полушаровидные и полуяйцевидные кубки, так называемые парные сосуды, профилированные сосуды с двумя ручками, чаши-фиалы) восходят к урартским прототипам. То же наблюдается в металлургии древней Армении. Многие произведения художественной металлургии и ювелирного дела (ритоны, орнаментированные блюда, двуручные сосуды, кубки, пекторали) находят убедительную основу в урартском материале, так же как и некоторые формы каменной посуды древней Армении.

В Армавире, древнейшем центре Армении эллинистического времени, сложились не только главные направления развития материальной культуры того времени, но были также заложены основы официального культа царствующих династий древней Армении. Царями Еруандидами (IV-II вв. до н.э.) в Армавире было основано комплексное святилище, состоящее из храма и платановой рощи. Храм был посвящен Солнцу-Аполлону-Митре и Луне-Артемида-Анаит, а также обожествленным предкам. Платановая роща служила оракулом, здесь гадали по шелесту листьев.

Чрезвычайно важным представляется то, что входящие в армавирский комплекс культовые синкретические институты, отражающие местные, а также иранские (ахеменидские) и эллинские (селевкидские) влияния, были успешно заимствованы последующими древнеармянскими династиями Арташесидов (II-I вв. до н.э.) и дохристианских Аршакидов (I-III вв. н.э.). Изваяния династических богов-покровителей вместе со статуями предков были еще при Еруандидах перенесены в Багаран, а затем Арташесидами в Арташат и здесь поставлены в двух отдельных храмах. Статуя богини Лун-Артемиды и статуи предков стояли в храме внутри города, а статуи Солнца-Аполлона, ввиду приписываемого ему покровительства торговле, - в храме Еразамуйн за городской стеной, у дороги из Арташата в Валаршапат. Пришедшие на смену Арташесидам Аршакиды не внесли каких-либо существенных изменений в царский культ, разве что почитание Солнца-Аполлона в Еразамуйне стало соединяться с почитанием богов Тира и Гермеса. В связи с учреждением новой аршакидской столицы - Валаршапата, здесь по примеру Арташата, по-видимому, также были воздвигнуты два храма: посвященный Анаит-Артемиде в центре города, а Михру-Аполлону за городом, у дороги.

Почитание статуй обожествленных предков Еруандидов Арташесидами и Аршакидами должно было подчеркнуть преемственность культово-политических воззрений и идею родственных связей между этими древнеармянскими династиями.

В совершенно новом свете предстает перед нами культ бога Тира в приарташатском храме Еразамуйн, само название которого, "место толкования снов", наводит на мысль о существовании здесь прорицалища-оракула, созданного по примеру Армавирского, хотя несколько видоизмененного (Х.Хаусит). Здесь происходило внушение и толкование снов, что подтверждается также наличием, как и в Армавире, культа Аполлона, покровителя оракулов.

Родство культово-политических идей древнеармянских царских династий – факт немаловажного значения для правильного понимания идеологических представлений древнеармянского общества.

Основные выводы диссертации таковы:

Отчетливо вырисовывается роль урартского наследия в формировании древнеармянской культуры. Постепенно раскрываемая картина культурной преемственности многообразна и охватывает ряд смежных областей материальной культуры, искусства и архитектуры. Она позволяет говорить об органическом освоении урартских культурных явлений, что свидетельствует также о вовлечении урартского этнического массива в процесс образования армянского народа.

В противовес бытующему в науке взгляду, архаизирующему сущность общественного строя Армении мидийско-персидского времени, всесторонний анализ археологических и письменных источников указывает на классовый и государственный характер древнеармянского общества VI–IV вв. до н.э.

Выявление "материального аспекта" грандиозного, связанного с градостроительной деятельностью социально-экономического процесса, происходившего в Армении в III в. до н.э. – III в.н.э., позволяет лучше понять сущность урбанизации древнеармянского общества. Полученные в этой связи данные ставят наиболее крупные античные города Армении (Арташат, Тигранакерт) в один ряд с общеизвестными городскими центрами эллинистического Востока.

Древнеармянская культура развивалась в тесном общении с великими культурами Древнего мира – иранской, греческой, римской. Еще Урарту, а затем вошедшая в состав Ахеменидской державы Армения приняла участие в формировании и развитии ахеменидской культуры. Распространение эллинского влияния привело к некоторому синтезу местных и привнесенных форм и представлений. Вместе с

тем наблюдается продолжение ахеменидских традиций в античное время. В процессе взаимоотношений Армении с крупными культурными ареалами особая роль принадлежит Мидии и Малой Азии в ахеменидское время, Селевкидскому государству – в эллинистическое, Сирии и Малой Азии – в римское.

Культурная общность восточных и западных областей Армении наблюдается на всем протяжении истории страны (VI в. до н.э. – III в.н.э.); в ее основе лежат единые закономерности развития общества на Армянском нагорье.

В античной Армении имелся официальный культ царствующих династий, игравший немаловажную роль в идеологических представлениях общества. Он был основан при Еруандидах (IV–III вв. до н.э.) в Армавире (культ богов – покровителей династии, культ царских предков, оракул) и заимствован последующими династиями – Арташесидами (III–I вв. до н.э.), дохристианскими Аршакидами (I–III вв. н.э.). Учреждение и развитие официального культа, независимо от его религиозного происхождения и религиозной окраски, носили ярко выраженный политический характер.

Роль армянской античности, главным образом первых веков н.э., в формировании раннесредневековой культуры Армении обнаруживается в различных ее сферах – в материальной культуре, архитектуре, искусстве.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Страна Коммагена и Армения. – Известия АН АрмССР (общественные науки), Ереван, 1956, № 3, с. 69–74.
2. Опыт периодизации истории материальной культуры древней Армении. – Известия АН АрмССР (общественные науки), 1957, № 2, с. 77–90.

3. Ервандиды в Армении. - Известия АН АрмССР (общественные науки), 1958, № 6, с. 53-71 (на арм.яз.).
4. Памятник коммунальной техники древней Армении - Античная баня в Гарни. - Историко-филологический журнал АН АрмССР, Ереван, 1959, № 2-3, с. 265-281.
5. Новонайденная надпись Арташеса I, царя Армении. - Вестник древней истории, 1959, № I, с. 87-90.
6. Заметки об армянской одежде эллинистического времени. - Известия АН АрмССР (общественные науки), 1959, № II-12, с. 97-101 (на арм.яз.).
7. О торговых связях Армении с Сирией в античное время. - Палестинский сборник, Москва-Ленинград, 1959, вып. 4, с. 73-78.
8. Ахеменидские традиции в древней Армении. - XXV конгресс востоковедов, доклады делегации СССР, Москва, 1960, с. I-8.
9. Achämenidische Tradition im altarmenischen Reich. XXV Internationaler Orientalisten Kongress, Moskau, 1960, S. 1-12.
10. Колонный зал на Арин-берде и вопрос о сатрапских центрах на Армянском нагорье. - Известия АН АрмССР (общественные науки), 1960, № 7-8, с. 99-114 (на арм.яз., с русским и английским резюме).
11. Новые данные о материальной культуре древней Армении. - Известия АН АрмССР (общественные науки), 1961, № 8, с. 69-83 (в соавторстве с А.О. Мнацаканяном).
12. Рецензия на кн.: А.Г. Жамкочян "Армения в эпоху первобытно-общественного и рабовладельческого строя", Ереван, 1961. - Известия АН АрмССР (общественные науки), 1962, № 4, с. 87-95 (на арм.языке).
13. Раскопки крепости Ацаван в 1961 г. - Известия АН АрмССР (общественные науки), 1962, № II, с. 79-84 (на арм.яз.).

14. Некоторые данные "Истории Армении" Моисея Хоренского и "Географии" Страбона для истории Армении III-II вв. до н.э. - Вестник Матенадарана, том 6, Ереван, 1962, с. 7-24 (на арм.яз., с русским и французским резюме).
15. Раскопки крепости Ацаван в 1962 г. - Известия АН АрмССР (общественные науки), 1963, № 12, с. 103-110 (на арм.яз.).
16. Урартская цивилизация и Ахеменидский Иран. - Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1964, № 3, с. 149-164 (на арм.яз. с русским резюме).
17. Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья V-IV вв. до н.э. - Советская археология, 1964, № 3, с. 64-78.
18. О расписной керамике древней Армении (VI в. до н.э. - III в. н.э.). - Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1965, № 3, с. 265-280.
19. Возникновение древнеармянского государства. - Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1966, № 4, с. 83-102 (на арм.яз. с русским резюме).
20. Рецензия на кн.: Cyril Toumanoff "The Orontids of Armenia (Studies in Christian Caucasian History)", Washington, 1963, pp. 277-354. - Вестник Ереванского университета, 1963, № 2, с. 246-251 (на арм.яз.).
21. Результаты раскопок крепости Ацаван (1963 и 1965 гг.). - Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1968, № I, с. 282-291 (на арм.яз.).
22. Золотая пектораль из Армавира (Армения). - Советская археология, 1968, № 4, с. 190-197.
23. К вопросу о тореутике и ювелирном деле в ахеменидское время. - Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1969, № I, с. 87-106.

24. Новый эллинистический центр в стране Коммагене, рецензия на кн.: F.Dörner, Th.Goell "Arsameia am Nymphaios", Berlin, 1963. - Вестник общественных наук АН АрмССР, Ереван, 1969, № 3, с. 90-96 (на арм.яз.).
25. Стекло древней Армении. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1969, 12 п.л. (на армянском, русском и английском языках) (в соавторстве с Б.Н.Аракеляном и Ж.Д.Хачатрянном).
26. Древнеармянская расписная керамика. - Вестник общественных наук АН АрмССР, 1970, № 1, с. 63-72 (на арм.яз. с русским резюме).
27. Раскопки Паракарского башнеобразного погребения. - Вестник Ереванского университета, 1970, № 1, с. 229-239 (на арм.яз.).
28. "Анабасис" и Армения. Послесловие к книге "Анабасис" Ксенофонта (армянский перевод С.М.Кряжаряна). Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1970, с. 221-239 (на арм.яз.).
29. Древнеармянская керамика из раскопок Армавира (Опыт классификации и датировки). - Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1971, № 1, с. 216-228.
30. Об одной группе расписных сосудов из Армавира. - Советская археология, 1971, № 2, с. 246-249.
31. Армения под властью ахеменидской Персии. Раннеармянская культура (VI-IV вв. до н.э.). Армения в эпоху раннего эллинизма. Письмо и литература Армении в античную эпоху. - Гл. 18, 19, 21 и 34 (III параграф) "Истории армянского народа", академическое издание, том I, Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1971, 6 п.л. (на арм.яз.).
32. Раскопки Армавира (Предварительное сообщение о раскопках 1970 г.). - Вестник общественных наук АН АрмССР, 1972, № 2, с. 36-42 (на арм.яз., с русским резюме).

33. Некоторые аспекты внутренней организации армянской сатрапии. - Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1972, № 2, с. 99-116.
34. К вопросу о городах Армении доэллинистического времени (VI-VI вв. до н.э.). - В сб. "Древний Восток. Города и торговля", т. I. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1973, с. 87-98.
35. Археологические работы в Армавире (1971 г.). - Вестник общественных наук АН АрмССР, 1973, № 5, с. 95-103 (на арм.яз. с русским резюме).
36. Портретное искусство Армении по монетам Тиграна II и Артавазда II. - Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1973, № 4, с. 43-60.
37. Из материалов раскопок Армавира в 1974 г. - Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1974, № 3, с. 171-180 (на арм.яз. с русским резюме).
38. Раскопки Армавира. Отчет об археологических работах 1972 г. - Вестник общественных наук АН АрмССР, 1974, № 12, с. 54-67 (на арм.яз. с русским резюме).
39. Кармир-блурский некрополь эллинистического времени. - Вестник общественных наук АН АрмССР, 1974, № 8, с. 60-70 (в соавторстве с А.А.Вайманом).
40. Новые археологические материалы послеурартского времени на территории Западной Армении и их место в истории древнеармянской культуры. - В сб. "Древний Восток", т.2, Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1976, с. 134-157.
41. Древний Армавир. Основные итоги раскопок 1970-1974 гг. - Всесоюзная конференция "Античные, византийские и местные традиции в странах восточного Черноморья" (тезисы). Тбилиси, 1975.
42. Рецензия на кн.: А.А.Мартirosян. Аргистихинили. Ереван. 1975. - Вестник общественных наук АН АрмССР, 1976, № 3, с. III-III4 (на арм.яз.).

43. Археологические исследования в Аштаракском и Наирийском районах АрмССР. - Вестник общественных наук АН АрмССР, 1977, № 4, с. 77-93 (в соавторстве с Г.Арешяном, К.Кафадаряном, А.Симоняном, А.Калантаряном) (на арм.яз. с русским резюме).
44. К вопросу о градостроительной структуре и топографии древнего Вагаршапата. - Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1977, № 2, с. 81-92.
45. Армавир и античный мир. - В сб. "Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока". М.: Наука, 1978, с. 142-147.
46. Урарту и Армения (к вопросу преемственности материальной культуры). - II международный симпозиум по армянскому искусству, Ереван, 1978, с. 1-16.
47. Urartu und Armänien. (Zur Frage der Kontinuität der materialien Kultur). - II International Symposium of Armenian Art, Yerevan, 1978, S. 1-16.
48. Урартский Армавир (по данным археологических раскопок). - В сб. "Культура Востока", Древность и раннее средневековье. Л.: Аврора, 1978, с. 106-114.
49. Города Армении эллинистического времени в свете археологических исследований (Вопросы генезиса, топографии, градостроительной структуры, архитектурного облика). - Вестник древней истории, Москва, 1979, № 2, с. 160-175.
50. Раскопки Армавира в 1977-1978 гг. - Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1979, № 4, с. 247-255 (в соавторстве с И.А. Карапетян) (на арм.яз. с русским резюме).
51. Древний Армавир, вопросы взаимоотношений местных и эллинских традиций. - Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Тезисы. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1980, с. 30-32.

52. Раскопки Армавира (к столетию первых раскопок). - Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1980, № 2, с. 23-38 (на арм.яз. с русским резюме).
53. Еще одна арамейская надпись Арташеса I, царя Армении. - Вестник древней истории, 1980, № 4, с. 99-104.
54. Территория Еруандидской Армении (VI в. до н.э.). - Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1980, № 4, с. 84-95 (на арм.яз. с русским резюме).
55. Территория Еруандидской Армении (конец VI в. - конец III в. до н.э.). - Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1981, № 2, с. 68-84 (на арм.яз. с русским резюме).
56. Раскопки Армавира в 1974-1976 гг. - Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1981, № 3, с. 281-288 (в соавторстве с И.А.Карапетян) (на арм.яз.).
57. Раскопки Армавира в 1979-1980 гг. - Вестник общественных наук АН АрмССР, 1982, № 1, с. 83-87 (в соавторстве с И.А.Карапетян, на арм.яз. с русским резюме).
58. Армянская тиара. Опыт культурно-исторической интерпретации. - Вестник древней истории, 1982, № 2, с. 90-96.
59. К античным истокам армянской средневековой культуры (по археологическим данным). - Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1983, № 2-3, с. 55-64.
60. Раскопки Армавира 1981-1982 гг. - Вестник общественных наук АН АрмССР, 1983, № 10, с. 56-64 (в соавторстве с И.А.Карапетян, на арм.яз. с русским резюме).
61. Some aspects of the inner organization of the armenian Satrapy. - Acta Antiqua Academiae scientiarum Hungaricae, Budapest, 1984, t. XXIX, fasc. 1-4, pp. 151-168.

- ✓ 62. Древнеармянская культура: итоги изучения. - В сб. "Культурное наследие Востока", Л.: Наука, 1985, с. 122-130.
63. Археология Урарту (совм. с Г.А.Кошеленко). Археология Армении VI-IV вв. до н.э., Армении III-I вв. до н.э., Армении I-III вв. н.э. (Гл. II, V). - В кн. "Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии" (Археология СССР). М.: Наука, 1985, 6 п.л.
- ✓ 64. Неиндоевропейские предки армян хурри-урарты и проблема Урарту-Армения. - Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1985, № I, с. 195-207 (на арм.яз. с русским резюме).
- ✓ 65. Вопросы преемственности официального культа в античной Армении. - Вестник общественных наук АН АрмССР, 1985, № 10, с. 58-65.

Заказ 471

Тираж 150

Сдано в производство 26.06.1986 г., подписано к печати 25.06.1986 г., печ. 3,5 л., изд. 2,55 л., усл.печ. 3,25 л., бумага № 2, 60 x 84^I/16

Этмиадзинская типография АН Армянской ССР